

18+Александр Николаевич
Марацуцов
Хроники, были, баллады

Александр Николаевич Марацуцов

Хроники, были, баллады

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72455932

ISBN 9785006793484

Аннотация

Перед вами вторая персональная книга Александра Марацуцова. Первая книга включала в себя басни и притчи, в данной книге автор поместил дворцовые и звериные хроники, жизненные истории и баллады. Раньше он печатался в коллективных сборниках: «Ступени», «Миры стихов», «Раскрыв все чувства». Александру Марацуцову подвластны многие жанры. Вскоре должны появиться его книги с лирическими стихами и пьесами.

Содержание

Дворцовые хроники	5
Старый король	6
Мудрый король	10
Кто – кого	13
Смерть визиря	15
Виват, король!	18
Царь и поэт	27
Король и театр	30
Король и завещание (отрывок)	34
Принцесса и мужик	41
Князь и портрет	48
Король и баснописец	55
Лев и король	56
Казнь бедняка	59
Встреча	65
Звериные хроники	68
Барская охота	69
Охота на оленей	72
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Хроники, были, баллады

**Александр Николаевич
Марацуцов**

© Александр Николаевич Марацуцов, 2025

ISBN 978-5-0067-9348-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Дворцовые хроники

Старый король

Король вдовел десяток лет.
Король старел, седел...
Но нет
Покоя в сердце умудренном.
У чувства свой особый норов.
Бежишь ты, юношею, в гору,
Или по старческому склону
С оглядкой, тихо, осторожно
Кладешь неторопливый шаг.
Но вдруг любовь! И все не так.
Летишь на гору и по склону,
Не помня, кто ты, где и как.

Король во фрейлину влюбился,
Король девице объяснился.
Невесты счастлива родня,
И выбор праздничного дня
На Глав министре. Тот явился,
Застав в смущенье короля:
– Я в беспокойстве граф, признаться.
Все хорошо... но ей шестнадцать.
Неловко, но, Мон Шер, забыл,
Когда я к женщине входил.
И нет ли средств, хотел бы знать,
Уменьшить возраст, так сказать?

– Да, легче легкого, Мон Сир!
Давайте паспорт ваш.
– Забыл!
– Король без паспорта!?! Да что вы!
А ну-ка гляньте в брюках новых!
Я ровно через час.

И вот, Министр, сияющий, идет:
– Я был и в паспортном столе,
В ОВИРЕ и в дворцовом жэке.
Не сомневался я в успехе!
Откроем книжечку... Але!
Теперь вам сорок, Государь!
Войдите в спальню с документом!
Жених теперь вы хоть куда!
Да и король еще при этом.

Тот, восхищенный, графа обнял.
Скорее – грамоту и орден!
Там свадьба, к новобрачной он
Шел, паспортом вооружен.

Чем все закончилось?
Разнятся об этом слухи.
Глав министр поста лишился,
Но пробился опять к фавору,
Где остаться и было графу суждено.
А средство то же. Вот оно.

Не знаю почему, но верить
Не стала наша королева.
Ново рождению короля.
Тот брал свидетелей. Все зря.
Он бриллиантовым дождем.
Решил тогда накрыть супругу.
– В нем легко
У Женщин возраст спрятать.
С подарками любая дата
Помолодеет! Бриллианты
Заменяют молодость с талантом!

И государственной казной
Клянется он в любви большой.
Забыв, что не одна казна
Его красавице нужна.
Что всем сокровищам вселенским
Не оплатить капризов женских.
Вновь Глав министр пред королем.
– Казна пуста! Я ставлю дом
У фиолетового моря. Жене любимой.
Рупь с полтиной
Нашел в последнем сундуке.
Так неужели не достроить?
И жить в бензиновой столице!
Готов от злости удавиться,
Да денег на веревку нет.
Я жду спасительный совет!

– Нам паспортный поможет стол!

– Что, снова!?

– Выход я нашел.

Изымем паспорта у всех.

Годков на пять скостим им возраст.

Помолодеют без помех.

Нас ждет финансовый успех!

А пенсии в казну!

– Так просто! Вы гений граф!

Ошибся: герцог! Пишу указ!

Легко на сердце!

Пойду, обрадую жену.

Ну, дай тебя я обниму!

Отрезок жизни выдан нам.

Он не подвластен королям.

И юность возвратить – смешно.

И старость отобрать – грешно.

Правитель! К совести своей

Примерь услужливость людей.

Мудрый король

Король страны за синим морем
Был славен мудростью и нравом.
Слова: «закон», «порядок», «право»
Он выбил в золоте на троне.

Скор на расправу, скуп в награде,
Царил полвека в стольном граде.
Вот раз на утреннем докладе
Он узнает: бокал украден
Из дорогого хрусталя.
– Кто б не был – плеть!
Чтоб не повадно
Другим украсть у короля.

Виновный найден. На коленях,
В рыданиях просит он прощенья.
И все же скручен и наказан,
Отделан плетью по приказу.
Последний падает удар...
– Кто ж он?
– Ваш повар, Государь.

Король вскочил. Не хочет слушать!
(А он любитель был покушать).
– Создав законов строгий свод,

Я получил законом в лоб!
Как жил без этого урока!?
Был одноногим, однобоким
Порядок строгого правленья
Лишь в наказанье. А прощенье?
А торопливость палачей?!
Зачем?

– Не рвите сердце, Государь, —
Умильно просит секретарь,
– Простой народ – простецкий зад.
Все заживет. Придет назад
На кухню вашу повар сей.

– Как плохо знаешь ты людей!
И у простых есть память, честь.
Боюсь, придется мне смотреть
Да нюхать блюда все подряд...
Вдруг яд. Другого шефа, говорю,
Ищи на кухню королю.
Законов свод вели принести,
Его мне надо перечесть.
Найдется ль место меж статей
Для милосердия королей...

Король умен. И, чтя закон,
Дать можно волю благородству.
Все просто:
Слаб человек. Но благодарность

Исправит лучше наказанья.
Конечно, есть иное мненье:
Делить людей, как свет и тень.
Его я слышу каждый день.
И вижу в деле... к сожаленью.

Кто – кого

Стрелок-спортсмен —
Тарелок истребитель
Решил сменить ковер в гостиной
Медвежьей шкурой у камина.
А это стильно, что ни говорите.

Подъехал к лесу. Тихо. Рано.
На поясе карточь с жаканом.
И новичкам всегда везет:
Навстречу Мишенька идет.
И тоже в поисках дизайна.

На стену на свою берложью
Искал ружье с красивым ложем.
Казалось, общий интерес.
Стрелок же не успел залезть
На ель да в ветках угнездиться,
Подумать, что ковер персидский
Куда практичней бурых шкур.

Мир – улей, где тщеславья гул,
Да соты полные гордины.

Медведь давно уже уснул.
Ковер по-прежнему в гостиной.

А на камине в рамке модной
Охотник, что мог жить бы долго.
Но скромность – не его удел.
И черный креп портрет одел.

Предела нет стремленьям глупым.
Нам жмут небрендовые туфли.
Родня, сосед и мир за шторкой.
На всех поглядываем робко.
Усмешка – выстрел. Сплетня – смерть.
И в эту топку
Бросаем жизнь и гасим свет.
Душе и сердцу нужно? Нет.

Смерть визиря

В стране восточной правивший султан
Был встревожен смертью визиря.
Чай с боярышником и имбирем,
На дорогих корнях бальзам, —
Не возвращали сон султану.

– Кого поставлю над диваном?
Кто на высоком этом месте
Стране прибавит честь и славу?
Но, главное, пусть будет честным!
Воруют день и ночь, хоть плачь.
Просил об отпуске палач.
На кольях нет простых голов!
В чалмах шелковых все ворье!
Бывало встарь...

Но мысли гневные, султанские прервал
С бумагами вошедший секретарь:
– О, Повелитель полумира!

– Без лести к делу приступите!
Нашел кого к посту визиря?

– Хоть Абдуллу султан возьмите.
– Как ни крути – разбойный род,

Два деда дожили до плахи.

– Тогда градоначальник. Он народ

В повиновении и страхе

Привык держать который год.

– Жесток и отпрыск казнокрада.

– Тут власть и золото.

– Не надо!

– Тогда, наш солнцеликий! Тьфу ты!

Набиты лестью вы, как будто.

– Начальник стражи о сияте...

– Молчать! Не о своем ли брате

Хлопочешь? Нечего коситься.

О третьем годе, как собаку

Хотел повесить лихоимца!

По этим же коврам ты лично

Усердно ползал.

Владеть империей! Что пользы?

Когда и для державных дел

Найти достойных не сумел.

Замявшись, секретарь проговорил:

– Последний в списке – некий Эль Коббир.

Его просил включить старик – учитель ваш.

– Не медли же. Совет его не раз

Спасал и простотой, и мудростью житейской.

Кто муж сей? Чем прославлен он?

– Безвестен!

В нем благородных нет кровей. И честен.

– Достаточно! И опыт наживной,
И жизнь дворцовая, и денежные счета, —
Все нарастет корой.
Лишь был бы ствол прямой,
Да о стране забота!

Виват, король!

Король скончался,
Но «Виват, король!»
Кричать не торопился люд смущенный,
Не выбрав никого на эту роль.

Монарх бездетный и греховный
Жил, огорчаясь кратким дням,
Всегда веселым и скромным.
Седым не веря волосам,
Сбривал их. Пышным парикам
Не изменяя, скольких дам
Он обманул, всех уверяя
В своей кудрявости природной.

И как те верили охотно,
Кружась в придворных танцах модных.
Ах, почему бы беззаботность
И праздник сердца... и сонет!
И этот дивный менюэт
Продлить на двести юных лет!
Ну хорошо, на сто.

Однако
Его величество со шпагой,
С любимым рыжим париком,

Со всеми звездами на лентах
И в золоченых позументах.

Во время контрданса, вдруг
Сказал:

– Я умираю, друг, – маркизе, старой визави.
И верный слову, умер. Вы

Представьте ужас музыкантов!

Пол бала сыграно едва.

Дворец оплачивал таланты.

По окончанию веселья.

Не доиграли! Не допели! А не заплатят?

Голова любого кругом заходила б.

(И, кстати: да, не заплатили!).

Сняв танцевальные штиблеты

И луком вымазав глаза,

Вельможи, траурно одеты,

Шли на совет. Сказать нельзя,

Как волновались графы, пэры,

Высокородные князья.

Сейчас единственным и первым

Мог оказаться тот,

Чей род

По крови чище и древнее.

Тогда и по закону он

Займет осиротевший трон.

С зарею колокольный звон
Был знаком королевских прений.
И вот в старинной галерее
Борьба уже генеалогий, мнений,
Гербов и грамот, и девизов.
Деревьев родовые ветви,
Бастарды, дюки, деды, дети, —
Все голубых кровей капризы.

И манускрипт телячьей кожи
Сейчас всех жемчугов дороже.
В горячке герцогу маркграф
Кричит:
– Да как же я не прав?
Во мне одна тридцать вторая
Часть крови королевской!

– Знаю! Но тот хватчик был!
А мой был предок – сам Карл Большой!

– Позвольте оба. У меня
Голубокровная родня.
Вся от этрусков поименно!

– Взгляните, граф на герб с короной!
Сам Цезарь, право, мне не ровня!

На трон поглядывая жадно,
Кричали, спорили нещадно.

А часть жалела, что кинжалы
Не пронесли под платьем в залу.
На пике ратоборств словесных
Вдруг председатель – старый, честный,
Барон (без шансов на престол)
Остановил горящий спор:
– Потише... слышите? Мне с трона
Все кажется, зовет нас кто-то.

– Еще забота! Наш председатель с головою,
Пожалуй, потерял контакт.
Раз так,
Сменить борона!

– Тихо! Нечто
И мне слышалось.
Конечно...
Какой-то писк... стул королевский,
Иль балдахин. Ковер под ним
Из этих мест. Подушка. Да!
Вот явно слышу:
– Господа!

Вельможных претендентов стая
Столпилась к трону.
– Уверяю! Вещает! Но каков апломб!
Позвольте лупу... Это – клоп!

– Смотрите, влез на подлокотник!

Какой-то рупор... Говорит!
А лапки в боки, важный вид!

– Граф, не толкайтесь! И позвольте:
Ботфорт ваш на ноге стоит.
Конечно, на моей, – клоп начал.
– Еще раскланялся, подлец!
Нас засмеет простая прачка!
Да замолчите наконец!

Здесь речь клопа
Барон по службе
В журнал собрания вписал
Все выступленье инкогнито:
– Друзья! Вы слышите? Нахал!
Зачем глядите так сердито?
Устав по смене королей
Ни насекомых, ни зверей
Не исключил из претендентов.
Важны критично два момента:
Нет, вы послушайте! Каков —
Наиважнейший: в жилах кровь!
Затем – фамилии старинность.
Барон тут в арбитражном чине.
Устава стержень – он таков!

Ошеломленный председатель
Кивает, выпучив глаза.
Клоп торжествующе сказал:

– Трон этот Пим-завоеватель
Велел придворным столярам
Готовить первому владыке —
Себе. И дале – королям,
Своим потомкам.
В самом стыке,
Где спинке легкий дан наклон,
Вселился королевский клоп!
Мой предок! Множество веков
Течет и в нас монархов кровь.
Барон! Внесите в протокол:
Я претендую на престол!

Сказать: был шум сильнее бури?
Бросанье шляп, ломанье копий?
Где волос дыбом, дыбом шкуры?
Вельмож накрыло, как потопом,
Молчаньем.
(По воспоминаньям,
Минуты на три). Немота,
Когда и в мыслях пустота,
И в ребрах сердце затаилось.

Барон откашлялся:
– Случилось,
Такое дело... скажем, факт.
Формально королевский акт,
Сиречь устав о производстве...

– Да говорите прямо в лоб!

– Чего тянуть!

– Ну, вот вам клоп!

По всем статьям сегодня он —

Король. Таков закон.

Закон!!! И выполнять его изволь

Любой!

Писк торжествующий клопа

В вельможные вонзился уши:

– Всех попрошу барона слушать!

Пока прошу! Пока по дружбе.

Конечно тех, кто хочет в службе

Остаться.

Правил коронаций еще не знаю. Но

Уж издавна заведено

Дарить по случаю чинами,

Поместьями и орденами

Заслуженных и верных... Верных!

Так сэкономим свои мы нервы.

Оформит протокол барон,

А там – к народу на балкон!

Толпе – вина.

Всегда жадна

На дармовой кусок она.

А мы – радители о благе

Распишем премии. Бедняга,

Что нас покинул был, простите,

Танцор хороший, но политик...
Придворных, блещущих умом,
Не отличал. Я слышал, он
На титулы был скуп. Старик
Потратил деньги б на парик.
А мог подкинуть золотишко
Маркизу, герцогу. Излишков
В наш век у сотого найдешь.
Кредита нет! И пропадешь.
Так встанем над казною вместе
С мешками... ой, простите, с честью.
Отдав мне сюзерена роль,
Воскликнем же: «Виват, король!»

Страницы летописей старых,
Текст протоколов, мемуаров,
Воспоминанья графа Н., —
Все утверждало: среди стен
В портретах королей, их жен,
Мечей, трофеев и наград
Раздался, медью отражен,
Вельможный крик: «Король, виват!»

Здесь в документах был пробел:
Архив на праздники горел.
Но иностранные послы
Писали: бунты, мол, пошли.
И горлопаны толп мятежных
Кричали (что с них взять – невежды)

О том, сколь выбор государя
Фальшив! Что кровососа дали
На ограбление страны.
Клопы и в спальне не нужны!

Взгляни на королевский двор – На воре вор!
Уж эта чернь! Зачем им глотка?
Работали б себе в охотку.
Сухарь мочи, воды полно!
Нет, недовольны все равно.

А сколь хорош дворец был, право.
Как утонченны были нравы!
Эх, жить умели и могли!
Так ведь сожгли!
Но если все же мы найдем
Забытой рукописи том
О времени забытом. То
Напишем тут же продолженье.
Ну, а пока... прошу прощенья.

Царь и поэт

В далёком царстве, на востоке
Поэт придворный загрустил.
Иль дар его уже остыл,
Но не ложатся вольно строки,
А повелителю хвалы
Все суше, тише и короче,
И поэтической главы
Лишится можно, между прочим.

Он думал, как на эшафоте
Она падёт...
Легко и просто,
Пустым сосудом бесталанным
Иль тяжким слитком
Вечных мыслей,
Не многим стихотворцам равным.

Топор, а если колесо!?
Плебейские узел серой пеньки!
И все!
Топор и шапка не по Сеньке!
Пиит задумался.

Но тут...
Гонец. Его к царю зовут,

Ведут и ставят против трона.
Царь мрачен, словно зубом болен.
И сразу посохом поэта!
Да в лоб!
Пребольно это!

– Заелся, вижу, шелкопер!
Пять жалких строчек к дню рожденья!
Позор!
Где славословья, восхваленья?!
Гремят другие имена!
В поэмах дивных у соседей
(Там плюнуть не на что), страна!
Читаешь, ну одни победы!
Казню, конечно, это – крайность!
Но объявлю всем: за бездарность!
Эй, стража, выведь графомана!
А мне двойного, полстакана.

Что с головою у поэта
Произошло? Не знаем, это
Интриговало медицину.
Возможно посох.
Если б в спину...
А может плюнув (все равно!),
Решил маэстро, что топор
Не поменяет на верёвку.
Поэт одно, но личный враг
Достоин плахи. Как-то так.

И начал дело тонко, ловко:

– Ты одурел, пенек в короне?

Потеет задница на троне?

Чесотка славы?

Ах, плюгавый!

Меча с пером не взявши в руку,

Ни камня, город заложив,

Орет: пиши!

Как будто муху

Строжит приказом: пожужжи!

О чем жужжать? Какие рифмы

К тебе, убогий, применить?

Одни глаголы: жрать и пить!

Любой талант тотчас поникнет.

Пять строчек – пять ночей без сна!

Чернилам стыдно и мозгам.

Казню! Не это страшно, эх!

Тебя я славил и оставил

Все на бумаге, это – грех!

Палач! Точи! Руби! Валяй!

Какой поэт я? Раздолбай!

Лакей! Притерся у кормушки.

И нищим, нищим было б лучше.

В суме и корка, и строка...

Эх грустно...

Кто живой, пока!

Король и театр

Король, поклонник сцены давний,
Был восхищён артистом славным,
Игравшим смолоду без блеска
Пустейших лиц в пустейших пьесках,
Но вдруг в трагедии взлетевшим,
Да столь талантливо и резко,
Что ахнул зритель!

А король
Вскричал из ложи:
– Мой герой!

За ним народ накрыл любовью
Артиста с закипевшей кровью,
Что бьёт гордыней по мозгам.
Но это все знакомо нам.
Червонцев звон и чад похвал
Его тщеславье напитал.
На славу налетели дамы.

Талант все рос,
Свою играя драму.
Он во дворце – вечерний гость,
И черепа окрепла кость.
Есть кальций в самолюбованье.

Жаль только критиков старанья
Уже не пробивали лоб,
И яркий чтец чужого текста
Решил:

– Я – из другого теста!
Я гениальностью отмечен,
Я королем уже замечен,
Я приглашен опять на вечер.
И, кстати, нужно бы ему
Сказать: не знаю почему
Он терпит этого министра!
Болван! Закона об артистах
Принять не может.
Сидя в ложе,
И не похлопает, вельможа!

Жена сказала:
– Посоветуй
В министры свояка взять Петю.
Мужик толковый, в деле хват.

И в этих мыслях в позе светской,
Поправив кудри, щуря взгляд,
На вечер едет королевский,
Где все немислимые ляпы
Готов за ужином озвучить.
Глупцу смолчать – куда уж лучше!
Так нет! Чем менее мозгов,

Тем больше скорость языков.

С игристого бутылки гений
Всех поразил своим уменьем
Давать советы обо всем.
Он даже спорил с королем!
Бросал цитаты из трагедий,
Забрызгал соусом соседей,
Острил:
– Неумен кабинет,
Когда меня в министрах нет!

Король прозрел, с печалью видя
Шута, отмеченного даром,
Углем бессмысленным в пожаре,
Что гений для людей зажег.
Шут и себя понять не смог.

Завидуя и ненавидя,
Салфетку смяв, сказал король:
– Я видел искреннюю роль
Сегодня от тебя, маэстро.
Но ваше место —
Блестать, но на иной арене,
Где ложь красива. Там, на сцене
Дышите славой слов чужих.
Мы лучше понимаем их
С игрой таланта-лицедея.
Прощай, задерживать не смею.

Тут наши тропы разошлись:
Бери театр, оставь нам жизнь.

Король и завещание (отрывок)

Впустив намеренно в раствор прозрачный
Две малых, невесомых капли,
Мы наблюдаем цвет багровый
Солей, до этого не видимых в реторте,
Но схваченных добротным реактивом.
Узнать, что в сердце у родных растворено,
Поможет завещание одно.

Король, дожив до лет седых,
Не смог найти в семье отрады.
В заботе власти все же надо,
Имея близких, всматриваться в них.

Улыбок ровных и пустых,
Приветствий вежливых фальшивость
Встречала бедного монарха,
Когда входил тот без подарка.

Зато какой огонь и живость,
Когда просил родню решить,
Кто, что хотел бы получить.

– Кому оставляю я страну?
Как стаю жадную, родню
Пустить в казну?!

Отдать народ на разоренье?
Кто, кто поможет мне в сомненьях?

Здесь, вспышкой памяти пронзён,
О друге давнем вспомнил он:
– Забыл! О, стыд! Я юность предал,
А братом, братом звал когда-то.
Просить сейчас, не медлить!

И порученцы полетели.
Едва в провинции, в горах
Нашли. Здесь престарелый граф
Давно сменил на книги двор.
Он удивился звону шпор
Лихого гвардии сержанта.

Плащ, шпага, шляпа, час на сбор.
К утру дворцовые куранты
Карету встретили, и графа,
Как вновь нашедшегося брата,
Король обнял.

– Прости меня...
Ты руку можешь не подать,
И будешь прав.
Любимый друг, любезный граф,
Мне нужно многое сказать...

Как молодость у нас одна,

Так друг один.
И встреча с ним, уже седым,
Рвет сердце прожитою жизнью.
И те года под небом синим
Текут тяжёлыми слезами.
Что было после? Только дым
Сгоревших лет, но этот пламень
Не согревает нашу память.

День угасал, свежела кровь
От дорогих воспоминаний.
Король пил юности дыханье.
Прошла гроза, но грома рев
Не потревожил их свиданья.
Граф понимал и видел все.
Сказал он первым:
– Завещанье...

Король, обдумав, взял перо.
Граф диктовал...
Уже зашло
Светило, подрумянив сосны.

Взволнованно семья и двор
Монарха ожидали выход.
Открылась дверь, оруженосцы
Теснят придворных. Все затихли.
Король велит подать карету.
Выходит с графом, загрузив

В пыланье факельного света.
Обнявшись, говорит:
– Прости.

И стрелами из арбалета
Гнедые кони понеслись.
Король ушел в опочивальню,
Родню отдав на растерзанье
Тревожных мыслей.
Ночь пришла,
Но сон немногим принесла.

В день, многим памятный, в четверг
Король семнадцать человек:
Детей, зятьев, невесток, внуков
В покоях принял. Не на шутку,
Устав, он каждому успел сказать
О завещаньи.

Его оставив на столе,
Король, по вызову министра
Вдруг выходил на пять минут
И возвращался очень быстро.
Глядел значительно, вздыхал,
И снова гостя принимал.

Семнадцать текстов,
Где наследник – тот, кто
Сейчас сидел в передней

И жадно строчки пожирал.

Король печально утра ждал.
Едва коснулся солнца свет
Старинных башен и аллей,
Шестнадцать свежих королей
Проснулось во дворце.

Угрозы, крики и капризы,
Придворных ропот, трепет слуг...
– Как прав ты был, мой старый друг!
Тщеславий мелких крупный кризис
Перетерпеть сейчас я должен.
Грустить, когда ты в гроб положен
Немного поздно.
Может статься... Позвольте,
Их всего шестнадцать!
Где младший сын?
В библиотеке?!
Он все читает! Жду его!
В двадцатилетнем человеке
Быть с фрейлиной приличнее всего!

Вошедший принц спокоен, статен,
Отца поздравил с ясным днём.
– Где был ты?
– С мудрецом вдвоем
Звериные срывали маски
С людей,

Покуда лампа не погасла
Эзоп учил меня...

– Эй! Эй!

Давай, проснись же, бедный малый.
Уроки жизни нужно брать.
Страницы жухлые листать
Всегда успеем.
Ты рассеян.
Ты с завещаньем ознакомлен?
Оно лежало на столе!

– Конечно, нет! Читать чужое!
Живите долго и в покое!
Я о своей не спорю доле.
Свята любая ваша воля!
Принц поклонился государю.

– Ушам не верю, мальчик мой!
Уже ли баснописец старый
Тебя на светлый ум наставил?!
День точно ясный! Дорогой!
Дворец... пора прощаться с ним.
Скорей к наставнику и другу!
Из крови нашей ты один
Идёшь, как видишь. Не по кругу.
В горах тебя курс чести ждёт.
Езжай сегодня же без страха.
Уверен вскоре граф вернёт

Не только сына мне. Монарха!
Конечно, за свои грехи
Наказан я детьми чужими.
Ты искупил их. Быть плохим
Отцом, а королем хорошим,
Лукавый выбор. Глупым сыном
Наказан будет весь народ.
Я упустил детей. Но, вот!
Ты мне сейчас надежду даришь.
Прощай!
Надеюсь, что простишь.

– Исполню, что велишь!
Я не готов был взять корону,
Но помню умных книг завет:
Пред долгом тает слово «нет».

Принцесса и мужик

На белых лошадях, в карете золотой
Принцесса в дреме совершала моцион.
Но кучер, испугавшись крика: «Стой!»,
Затормозил упряжку. Он
И разбудил бедняжку.

Обрадовалась девушка в короне:
– Неужто же разбойник?
Так скучно мне при троне!
Но только не блондин!
Я познакомилась бы с ним.
Скорее в романтизм!

С кареты прыг,
Немножко в крик,
Румянец женский.
Сбывалась девичья причуда
А рядом, ну, такое чудо!
Детина, прямо деревенский,
На Ринальдино не похож.
Побритый, может, и хорош,
Но весь в поту и весь зарос.

– Красотка, попросил бы вас.
Я, вишь, завяз.

Телегу дерните мою.
Полдня стою,
Коровкам сена не довезть,
А, чтоб доиться, надо есть.

Принцесса в слезы:
– Где же грозный,
Но симпатичный атаман?!
Какое сено нужно вам?
Ещё какая-то корова...
Обман сердечный и суровый!
Подите, наглый человек!

И зарыдала. Прямо смех!
Детина встал. Но, чтоб утешить,
Трясущиеся тронул плечи:
– Шалил тут как-то атаман,
С него и снял вот сей кафтан.
Не стиран... Так-то
Был хорош!
Принцесса всхлипнула:
– И что ж?
Где он, разбойник, не молчи!

– Так на дубу висит, прости.
Подался в тати – не серчай,
Виси на солнышке, скучай!
Опят ревёт, что хоть не так!?

– Повесил милого, дурак!
Брюнет?
– Чернявый, что ли? Нет!
Такой белесый, наглый шкет.
Чуть не утек, как угрь в руках.
К суку поднял его на двух узлах.

– Полегче стало, сам-то кто?
– Сколь помню, лесоруб простой.
– Тебя б с кафтаном постирать. Женат?
– Мое ты горе, не женат!
С мала сиротствую, за голь
Не сватают. В деньгах вся соль!

– Ну, полно врать! Тут нету дня:
Парад богатых дураков
Кружится около меня.
– Кого?

– Да я про женихов!
Достала вся моя родня!
Ни пошутить, ни улыбнуться.
Как в родословную уткнутся,
Нет человека! Титул есть!
А мне идти какая честь?
Через неделю с ним свихнуться?
Жить лягушонком в тихой луже?
И белобрысые к тому же...
Давай уж дернем. Где телега?

Связали. Лошади с разбега,
На ровный путь поставив воз,
Опять пристроены к карете.
– Ну, славно! Помогла... Ты это... —
Смутился парень.
– Это, ты...
Поедешь если, заходи.
У мельницы избушка с краю.

– На перевозе! Знаю, знаю.
А что, заедем, я давно
Душевно так не говорила.
Но все же бритву б подарила!
И мыла с ножницами, да,
Сам удивился бы тогда.
Пора. До встречи. Солнце, вон,
Уже высоко. Дома страсть!
Куда могла она пропасть!
– Я это... в общем, буду ждать...

Там оскорблённая принцесса
Ломает руки! Тут же пресса
Летит, блокнотами треща.

– Почто рыдаем? С интересом
Народец сможет почитать
Причину девичьего плача.
– Тут личное! И будет ли прощать

Семья – нахала-остряка?!

Но здесь по знаку короля
Охрана, слов не говоря,
Погнала пишущую рать.
И от пинка до тумака,
От синяка до синяка
Летали тушки борзописцев.
Палач махнул рукой и скрылся.

Шута с принцессою к монарху
Ведут гвардейцы.

– Дал я маху!

Нет, чтобы тихо придушить!
Эй, секретарь! Допрос пиши!
Дочь, что за слезы?

– Сердце сжало!

Отважно шут меня пресек!
Не побоялся плахи даже!
Он так от всех льстецов далек...
Не слышу пульса!

– Новость! Да уж...

Чего ж ты хочешь, дочка?

– Замуж.

Король скатился в гневе с трона.

– Одна шатается вне дома,

Воркует с лесорубом нищим.
Ты среди шутов супруга ищешь!
Там, за портьерой, арманьяк.
Плесни-ка, шут, ещё... вот так.
Себе накапай, после казни
Оно бодрит! Таких okazji
Не ожидал... Ещё чуток!
И сыра нет... Ого, глоток!
На дармовщинку все вы падки!
Казнить вас, что ли, без оглядки?
А, может, плюнуть и женить!?

– Меня бы стоило спросить!
– Что!? Да тебя!!! Да я!
– Хорош шуметь. Твоя семья
В родню не каждому сгодится.
Мне с нею жить, смогу ль ужиться?
Десятилетия томиться...
Так, может, сразу вниз башкой?
Бутылка кончилась!

– Постой! Пошарь под тронном.
– Есть одна!
Какой-то импорт... так, Агдам!
О чем я? Да! Что там с приданым?

– Давно готово, без обмана.
Как зятя жалую в графья!
О, сыр нашел! О чем же я?

– Плевать на графов! Дом у речки!
Лошадки, садик, банька с печкой.
Почаще сон, пореже гости.
Примусь за мемуары там.
На хлеб дукатов две-три горсти.
Ну, укачал меня Агдам!

Князь и портрет

Художник волею судеб капризных
Заброшен был в богатый южный город,
Стоявший в окруженьи кипарисов,
Глядевший в голубое море,
Стенами белокаменными обнят.

На стенах тех стоят шесты рядами
С отрубленными катом головами.
Князь города считал, что к слову вор
Одна лишь рифма подойдет: топор!

Когда же черепа веселого жулья
Закончились для коршунов на стенах,
Суровый княжеский судья
Нашел других врагов, не тратя время:
– Стервятники и воронье
Оценят правосудие мое.
Правитель мудр, финансово талантлив,
Достоин славы и любви,
Когда не сохнет плаха от крови
И минимум в остроге арестантов!

Вошёл художник в город.
Взгляд прохожих грустен,
Все молчаливы, смотрят не в глаза,

И даже цену на капусту
На рынке в полушепот говорят.

Маэстро ставит холст и драный зонтик,
Да авторских портретов ряд.
Скучая, пишет интересный портик.
Вдруг стража!
– Собирайтесь, нам пора!

Ошеломленного ведут его в палаты.
– Ну, видно, не сегодня эшафот...
Тут суета, движение:
– Идёт, идёт!

Трубач, вельможи в черном и солдаты.
За ними князь: надменен, неулыбчив.
Взошел на трон, художника зовёт:

– Бродяга! Говорят, ты мастер необычный.
В твоих портретах каждый оживет.
Хочу себя увидеть для потомков,
Приказывать, советовать с холста!
И после смерти быть главою дома.
Не лги мне в красках!
Дамам – красота!
Мне взгляд оставь острее сотни лезвий
И тяжелее стали топора!
Я заплачу... Скажи мне только прежде:
Возможно это?

– Вам не буду врать.

Одна лишь искренность, вся правда взгляда
Нужна мне.

Ваше сердце видеть надо.

А передать искомое на холст

Вторично... Просто ремесло.

Сеанс на час, и лучше на рассвете.

Вы можете писать, читать, дремать,

Но не должны меня перебивать!

– Договорились. Завтра в шесть.

Сейчас вам подадут поесть.

С утра в работу, князь был точен.

Со стопкою бумаг явился он.

Читал, подписывал, и был неразговорчив.

Маэстро недоволен был холстом,

Кистями, брошенным мазком,

Узорчатым оконным светом.

И, наконец, решил спросить маэстро:

– Сегодня все не так и все не в пору.

Не чувствую я вас! Бумажек гору

Вы подписали в этот час.

Что это?

– Приговоры!

– Понятно многое, меж нами смерть стоит.

Она наводит тень на краски.
Косою кисти теревит.
Я над холстом уже не властен

– Что ж предпринять? Скажи, не медли!

– А если...

Попробуйте под обвиненьем
Черкнуть иное мнение!
Помиловать от княжеской души!
Работы палача на день лишить.

– Что кукла в золочёной раме! —

Князь думал. Наконец изрёк:

– Вы – мастер. Ваш урок

Я принимаю, хоть с трудом,

Но если в нем

Дорога к нашему успеху,

Явлюсь, кем скажешь, не до смеха!

До завтра! Стол для вас накрыт.

Бон аппетит!

Всю ночь художник на балконе

Курил под ясною луною.

Он был печален, неспокоен.

Князь ускользал, как угорь черный.

Чуть небо тронуло рассветом,

Маэстро в присланной карете

Летит с охраной во дворец.

И показалось, князь смущённо
Сидит, и с книгою на троне!
Одежда светлая, и что-то
Неуловимое во взгляде.

– Я знаешь, ночью и не спал,
Лет сто, наверно, не читал!
А помнится и сам... Но, впрочем,
Продолжить надо!
Если мы закончим
В неделю, вдвое гонорар!

Художник радостно молчал.
Проник догадкой гениальной
В тяжёлый мир душевной травмы...

И кисть, напившись красок свежих,
Уже скользнула шерсткой нежной
По грунту серого холста.
И вот картина начата.
Дни тихо шли. Скучала плаха,
Кричало к ночи воронье,
И город отошёл от страха.
– Вот, полотно закончено мое.

Художник встал перед картиной,
Закрытой бархата куском.
Князь вздрогнул. И тяжёлый том
Упал углом на пол дубовый.

– Уже...

И, губы сжав сурово,
Спустился с трона.
Удивлённо
Художник на лице его
Увидел ясный отпечаток
Смятения и даже страха.

Картину обнажив рывком,
Князь замирает, поражен.
С холста смотрел в глаза ему
Близнец, потерянный когда-то.

Лицо не узнанного брата,
Пришедшего к нему в тюрьму,
Где он провел все годы власти,
Грызая людей железной пастью
С кровавой верою в топор.

И вот он, с братом разговор:
– Я рад был повидать тебя.
Ты помнишь, книги полюбя,
Мы тайно брали их у взрослых.
И ты стихи писал, так просто,
Красиво, поражая всех.
Потом война, и твой успех
В кровавом приступе. Тогда-то
Король дарует город брату...

Твоя надежда – твой портрет.
Умрут свидетели безумных казней,
Глядя в глаза мне, скажут:

– Нет!
Такой не мог быть сердцем грязен!

– Прощай, закрой меня скорей.
Портреты плачут, вянут краски.
О брат, очнись и встань среди людей,
И, как проказу, скинь коросту власти!

На похоронах князя сам король
Пролил слезу об умершем герое.
Художник прошептал:
Их было двое...

Король и баснописец

Король был гневен:

– Дать его сюда!

Да как он смел! Он – жалкий человечек.

Билет бесплатный в вечность!

Запрет на басни раз и навсегда!

А! Привели. Давай!

Хорош мерзавец! Твое творенье, отвечай же?!

Царя зверей так осмеять невежде!

Тебе пропишут на верёвке танец!

Сегодня лев, а завтра я?

Но мы не в опере, любезный.

Да где палач? Пеньковая петля!

Такая критика весома и полезна

Что значит: пьян! А заместитель ката!?

Ах, оба! Как же быть с тобой?

Ну, я прошу тебя, как брата,

Не трогать титулов, родной!

Пусть будет лев бароном, графом

И разопьём бутылочку клико...

Лев и король

В столице в день осенний
В покоях короля
Судьбу решали льва.
Подарок от султана – к примиренью.
У клетки пленника частенько и совет
Король устраивал с вельможными гостями.
Любуясь видом царственного зверя,
Когда угрюмо тот
Вдруг, напружиня хвост,
С поджатыми когтями
Закружится в серебряном вольере,
Оставя не обглоданную кость,
Тоскуя бесконечными кругами.

И стон в его рычанье слышал гость.
Король же радовался власти венценосной
Над гордым непокорным африканцем.
Устав от льстивых и трусливых реверансов,
Смотрел в глаза с улыбкой кошки грозной.
Однако, годы львов текут быстрее.
Вид старика наскучил королю,
И было решено доверить кораблю
Везти его на родину к берберам.

Малага, судно, паруса на реях, —

И вот она, на третий день, земля.
Опять причал, канаты, стропы, сетка.
Ревущие ослы уже запряжены
И шумные арабы крепят клетку.
Льва повезли тихонько в глубь страны.

Через неделю скрипов, тряски, брани
Повозка встала, ветер дул с пустыни.
Пылавший диск уже катил на запад
И, встав к решетке, царственный изгнанник
Ловил ноздрями молодости запах,
Не думая, что будет с ним отныне.

Погонщики, укравшие все мясо,
Испуганно смотрели друг на друга
И спорили, как безопасно, разом
Открыть замки и целыми убраться.

Темнел восток, залиvisto и грубо
Захотали наглые гиены.
Но, наконец, под шепот заклинаний
И не уняв дрожащие колени,
Жердями длинными отбросили затворы.
Схватив ослов, крича бежали воры.
Что ж, вот пришел конец его изгнанию.

Лев сходит, щурясь на закатный пламень.
Почти не гнутся старческие лапы,
Хрустят хрящи в источенных суставах.

Одною волей двинув сил остаток,
Он сделал шаг. Свободы острый запах
Его повел горячими песками
И закружил в кустарниках колючих.

Привел к нему, к заветному ручью,
Где молодым стерег он антилопу.
Закатный луч с его последним взглядом
Успел проститься...
Выла ночь, и звёзды
Смотрели холодно на мертвого царя.

Казнь бедняка

Король готов свой встретить юбилей.
Бедняк готов украсть ржаного четвертинку.
Попробую их судьбы поскорей
Запечатлеть рифмованной картинкой.

Итак, монарх наш встретит праздник,
А вместе с ним и весь народ.
Мелькает за посланником посланник,
Готовятся балы. Фейерверков разных,
Речей, наград
Перевалил за сотню счет.
Король не рад. Чего-то брат
Недостает!
– Где эшафот?!
Преступник, каторжанин,
Ведомый в кандалах,
Под пытками изранен,
Но, падши наземь,
Услышать должен он:
«Помиловал тебя отец-король!».
В рыданиях и слезах...
Какая роль!
Народ ревет:
«Виват король!».

По тюрьмам бросились.
Не густо.
Все казнены. И казематы пусты.
На каторгу отвезены
Бродяги, нищие и просто негодяи.
Король разгневан:
– Раздаю медали!
У всех жабо в икре стерляжьей...
Найти немедля!

– Кража! Кража! —
Вбегает с криками министр,
– Из лавки хлеба четвертина
Унесена! Поймали быстро!
Успел сжевать, хитёр, детина!

– Утешил, граф! Скорей указ:
В ночь, чтобы эшафот сколочен,
И попрочнее. В прошлый раз
Под плахой с палачом он... хрясь!
Кат – на больничный, между прочим.
Акт о помилованьи проще,
Поменьше пафоса, друзья.
Почаще: «Наш король» и «Я».
Рыдать преступник должен громче!
Признаюсь, нервничал, однако
Без казни нет того размаха.
А уж отмена! Это пик!
К нему народец не привык.

В волнении радостном дворец.
Вздохнули: «ох, ты... наконец!
Летит с улыбкой секретарь,
Готовить узника. Фонарь
И стражник мрачный, и подвал.

Его увидев, зарыдал
Худой, никчёмный мужичонка.
– Отец, помилуй, больно тонко
Пошла тянуться эта жисть.
Уж как налогами взялись!
Опять же с недородом гибнем.
Оно когда-нибудь привыкнем,
Да кто останется в живых?

Здесь секретарь (и весельчак)
Смеётся:
– Брат! Какой пустяк!
Во-первых, голоден? Прекрасно!
Работы нет? И это плюс!
В кармане пусто, в сердце грусть!
Помрёшь невинным и несчастным!
Любезный, ждёт тебя награда!
Топор – надежда и отрада!
В загробном мире будешь сыт.
Всегда в тепле, одет, умыт.
А мы (тут стал серьёзен шут),
А мы на темный стали путь:

Вот здесь попьем, а там «адью»,
И нам не встретиться в раю.

– Неужто правда?! Наконец!
Ох, и обрадовал, отец!
Быстрее б, душу застудил,
Устал и жить. Ну, ободрил!

Обнял страдалец. Секретарь
Рукой дрожащей взял фонарь.
Приехав в замерший дворец,
И зеркалу сказал: «Подлец».

Над юбилеем встало солнце.
Послы, английский и японский,
Уже в прихожей короля.
Уже народ кричит: «Уря!».
Какая площадь! Дивный вид
Палач причёсан, трезв и брит,
Скрипит суровым сапогом.

– Везут! Везут!
А вот и он:
И кандалы, и туз бубей.
Забрит под ноль.
– Злодей, злодей!

Кароль выходит на балкон.
В руке платок, оркестра гром,

Ликующей толпы привет:
– Владей во славе много лет!!!

Указ о казни читан вслух.
Палач взмахнул с обеих рук,
Но тут глашатай и второй
Указ читает:
– Я, король,
По доброте своей великой,
Дарую жизнь!

И снова крики!
Рыдают площадь и палач,
Толкают мужичонку пикой:
– Встань на колени и поплачь!

Но что там? Забуянил узник:
– Обман! Да мне ж того не нужно!
В тепло хочу, отдайте рай!
Руби же, парень! Ну, давай!
Обратно в жизнь?! Собачья доля!
На смерть приговорен! На волю!

Народ гудит, бледнеет двор.
Король взмахну платком...
Топор
Под третий входит позвонок,
И с бритым черепом в мешок
Катится, радуясь свободе

Башка упрямая. В народе
Молчанье.

Злобно теребя
Платок и молча, вне себя,
Тот час скрывается монарх,
За ним вельможи. Тихий страх,
Какой-то темный, беспричинный
Окутал двор...

Палач почистил свой топор
И сел с чекушкой на плахе.
Народ уходит, тоже в страхе.

По слухам секретарь в тот день
Прогневал сильно короля,
Грубил ему, напившись! Зря!
Лег головой на тот же пень.
Ну дальше продолжать мне лень...

Встреча

Земля горела. Графский замок
Уже дымился грудой камня.
Деревня серыми дымами
Взывала к небу. Буйный пламень
Бежал по полю золотому.
На крышах бедная солома
Веселой огненной шапкой
Венчала жалкие дома.

Смеясь, сошедшая с ума,
Старуха, вставшая на лавку,
Кричала радостно:
– Пожар!

Ее проехавший рейтар
Из жалости ударил пикой.
Уставший конь, к крови привыкший,
Не поднял головы поникшей
И тяжелой рысью поскакал
На край ограбленной деревни,
Где уцелевшая лачуга
Смотрела слюдяным окном.

Там воин спешился, все в нем
Давно устало от разбоев.

Как не отпряжен вол от плуга,
Он жил, неотделим от крови.
И, пнув по двери сапогом,
Готов сразиться был с врагом,
Не ожидая видеть друга.
Но там за вкопанным столом
Сидели двое... Лет пяти,
За руки взявшиеся дети.

– Ты напугал нас, может с петель
Сорваться дверь, и волк придет!
– А ты не злой? Мне пятый год!

Рейтар садится у порога,
Снимает шлем, на них глядит.
Вздыхнул и, помолчав немного,
Сказал негромко:
– Есть попить?

Девчушка сбегала за кружкой,
А брат ручонкой гладил меч.
Ведёрко с ломаной дужкой,
Холодный пол, пустая печь.
Мелькнула тень в дверном проеме.
Стоит, к груди прижавши хлеб.
Волос тяжёлых медный цвет,
Глаза, затопленные страхом.

Но дети в штопаных рубахах

Бегут и матери кричат:

– Мы дали воду!

– У меча

Такая ручка! Мы друзья!

– А кружку подавала я.

Они шумели, в их речах

Все просто, ясно, тихий страх

Уходит, тает женский взгляд.

Рейтар понять себя не может,

Все прожитое стало ложью.

– Вам – уходить со мною вместе.

Бери детей, я знаю место...

Оставлю их, оставлю с верой,

Что встреча крови с добротой

Не сможет кончиться бедой,

И где-то есть надежды берег.

Звериные хроники

Барская охота

Медведь из ловчей ямы взят на цепь —
Притравливать собак охоты княжеской.
Сам князь души не чаял в новой своре,
Мечтая вскоре
С берлоги Мишеньку поднять
И на рогатину принять,
Покуда псы, вцепившись в лапы,
Держали б зверя мертвой хваткой.

Породистую кровь жалея,
Князь цепь велит укоротить,
Да заклепать на столб дубовый.
Друзьям, соседям объявить
День травли. Зверя не кормить,
Взять егерей, да потолковей.
И, скажем, в среду, травле быть.

Все было к радости боярской:
В кровавом, радостном азарте
Псы дружно рвали шкуру зверя.
Медведь нелепо защищался.
Ревел, отмахивал, катался,
Но в своре не было потери —
Умело князь распоряжался.

Три дня потеха продолжалась,
А в пятницу, чуть свет померк,
На двор посыпал первый снег.
Князь шлет гонцов по всем дорогам.
Дает три сотни за берлогу.

В загоне для зверей плененных
Хрипел медведь окровавленный,
Ловя горячей пастью снег.
Сосед по княжеской тюрьме —
Волк, искалеченный в капкане, —
Его окликнул:

– Эй земляк!

Смотрел я травлю. Все не так!
Хозяин драться так не станет.
Помилуй! Этих барских шавок
Не задавить? Себя подставил
Ты не путем. Вот завтра мной
С утра займутся волкодавы.
И часу не переживу.
Скажи, задумал что?

– Скажу... Твоя здесь правда.

С этих шавок

Надрал бы я кровавых тряпок,

Да князя хочется достать.

На днях ему берлогу брать,

А там наш брат не понарошку

Даст посмотреть на свет в окошке!

Всегда уверенность глупца
Дождется своего конца.
Прощай. В своей крови лежу.
Тебя я раньше ухожу...

Медведь наш оказался прав.
Самоуверенный азарт,
Матерый зверь, ошибка ловчих...
Собаки, порванные в клочья,
В секунду смертную слились.
И тело князя привезли,
Замерзшее ноябрьской ночью.

И на войне, как на охоте,
И в драках уличных жестоких
В себе уверен будь вполне.
На половину – в тех, кто рядом.
На четверть – в людях за спиной.

А если сам пришел с войной
В берлогу, иль к кому домой,
Умножь на сто сопротивление.
Пред яростью твое уменье
Ничто бывает. И судьбой
Ты поражен за самомненьем.

Охота на оленей

Красавец-лес у знатного вельможи
Был радостью и гордостью его.
Ни топором, ни псами не тревожил
Граф заповедного владенья своего.
Хозяевам свирепых свор на зависть
Оленей, ланей быстрые стада
Неслись вдоль чащи иногда
И вновь среди дубов скрывались.

Но старость, смерть, поверенных заботы...
Все изменили. А наследник... он
Себя не мыслил без охоты.
Лес топором был пробужден.
Широких просек дикие аллеи,
Как шрамы, по живому режут лес.
Чащобы темные – приют олений —
Очищены. Непроходимых мест
Суровый егерь не оставил,
Чтоб не было преград для стаи.

И в точках, к выстрелу удобных,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.